

Маленький боб в ярости сжал кулачки. Будь у него хоть малейшая возможность пошевелиться, он бы без раздумий зашвырнул этого чертова личного домашнего эльфа в Тихий океан — рыб кормить. Но рот ему зажали, лишив всякой возможности издать хоть звук.

Эх, будь ему сейчас года четыре или пять, умел бы он нормально разговаривать, то одной лишь силой мысли стер бы этого обнаглевшего раба в порошок! Но увы, реальность была жестока.

«Ау-у-у! Бета, мамочка, ну где же ты? А ну заberi своего недоношенного, слабоумного сыночка! Отец! Где ты, отец? Скорее спаси своего писаного красавца... то есть сына! Иначе этот монстр изведет твоего наследника до полусмерти!»

Пока мальчик исходил безмолвной злобой, Добби тоже приходилось несладко. Он давно мечтал всыпать этому капризному паршивцу, но чем усерднее он замахивался, тем сильнее колотило его собственное тело — контракт господина и слуги отчаянно противился насилию над хозяином. Не помогли Добби три месяца упорных тренировок над своей волей, он бы уже давно расшиб себе лоб о ближайшую стену в порыве раскаяния.

«Проклятая убогая тушка», — в сотысячный раз выругался про себя эльф.

В конце концов, не в силах больше бороться с упрямым рабским инстинктом, Добби опустил Люциуса на кровать. Руку от его лица он убрал, но оставлять рот свободным не собирался — крику потом не оберешься. Повращав огромными, похожими на теннисные мячи глазами, Добби взмахнул сухой костлявой ручкой, и юный наследник удостоился чести быть временно заблокированным.

Кхм-кхм. Модифицированное Заклятие тишины — секретный прием домашних эльфов, передающийся по наследству личным домашним эльфам. Прежний Добби и мечтать не мог о подобной магии, но этот за три месяца освоился настолько, что без труда сотворил чары. Эльф с удовольствием наблюдал, как Люциус отчаянно ковырял пухлыми пальчиками во рту, сиюсь выдавить хоть какой-то звук, но не издавал ни шороха.

Созерцание этой картины наполнило душу Добби глубоким удовлетворением. Да уж, магия — великая вещь. Никакой скотч не сравнится по удобству!

Но предаваться размышлениям было некогда. Эльф целеустремленно подошел к стене и принялся методично биться об нее головой. А что делать? Если не дать выход бунтующему рабскому инстинкту, требующему наказать себя за святотатство, последствия будут непредсказуемыми. К тому же Добби до смерти боялся бесконечных нотаций своей матушки Беты.

Перед тем как начать самоистязание, он благоразумно наложил на комнату Заклятие тишины. Слух у Беты был чуткий, словно военный радар: малейший шорох — и она тут как тут. Добби порой всерьез подозревал, что эту способность Бета развила, чтобы ловить старого развратника Абракса Малфоя на подглядывании за горничными. Разумеется, время от времени Добби снимал заглушку, позволяя гулкому стуку ударов разноситься по коридору.

Чисто для подстраховки — если внизу слишком долго будет стоять тишина, Бета заподозрит неладное и поднимется проверить, как там дела.

Прикладываясь лбом к штукатурке, Добби увлеченно размышлял.

«Если всего за три месяца мне удалось частично обойти контракт господина и слуги, то, когда я окончательно освою эту эльфийскую тушку, смогу ли я вернуть себе полную свободу воли?»

В прошлой человеческой жизни он не ценил независимость, принимая ее как должное. Теперь же, оказавшись в шкуре домашнего эльфа, он осознал: свобода — величайший дар. Без нее ты не более чем безвольная вещь в чужих руках.

Но получится ли? Последние три месяца он непрестанно боролся с рабским ошейником, и сегодняшний бунт стал первой, крохотной победой. Порой его одолевала горькая обида на судьбу. Ну почему Мерлин распорядился его новой жизнью именно так? Получив второй шанс, Добби вовсе не грезил о богатстве или великих свершениях. Он никогда не отличался амбициозностью.

Ему хотелось простого человеческого счастья. Пользуясь памятью о прежней жизни Оуяна Цичжи, он прилежно выучился бы, нашел достойную работу, женился на хорошей девушке и растил детей. Обычная, тихая жизнь. За какие грехи его забросило в этот безумный магический мир, да еще и лишило воли, превратив в бесправное существо? Разве стремление к покою — это преступление?

Он не уставал повторять себе: обычный безвольный домашний эльф — это полбеда. Быть личным безвольным домашним эльфом — вот истинная трагедия.

«Мерлинова борода, это просто проклятие какое-то!» — в очередной раз взвыл про себя Добби.

Спустя добрый час самобичевания Добби наконец остановился. Бета так и не поднялась. Это принесло облегчение, но и заставило сильнее возненавидеть платинового карапуза. Ведь если бы этот капризный мальчишка не устраивал истерик при каждой встрече, затягивая их аудиенции на пару часов, Добби давно бы сбежал к другим делам. И Бета никогда не оставляла бы их наедине с таким спокойным сердцем!

От одних воспоминаний о пережитом за эти три месяца у Добби зубы начинали скрипеть от злости. Мелкий паршивец наглядно доказал ему: чистокровные аристократы рождаются на свет лишь для того, чтобы вызывать отвращение и напрашиваться на хороший пинок.

Обида захлестнула Добби с новой силой. Покачиваясь на тонких, как спички, ножках, он лениво двинулся в сторону лишенного дара речи Люциуса. Он откровенно и издевательски ухмыльнулся и плотоядно прищурился, разглядывая скованного чарами наследника.

— Мой драгоценный юный хозяин, — елеиным голосом заговорил Добби, отвешивая шутовской поклон. — Прежде всего ваш верный слуга умоляет простить его за давешнюю грубость! Но поверьте, все это исключительно ради вашего блага. Вы ведь наследник древнейшего рода, и вам предстоит долгий, тернистый путь обучения. Пока что у вас напрочь отсутствует стратегическое мышление чистокровного лидера. Да-да, вы еще совсем кроха, но это не оправдывает ваше вопиющее ребячество! Известно ли вам, что уже через пару дней лорд Абраксас лично займется вашими тренировками? С вашим нынешним поведением отец сотрет вас в порошок на первом же занятии!

Добби злорадно фыркнул. Родовая память эльфов хранила жуткие подробности о том, насколько суровым бывает воспитание наследников в семье Малфой. Этот изнеженный ребенок, конечно, вырастет в блестящего аристократа, но легкой жизни в ближайшие годы ему точно ждать не стоит.

Естественно, все эти высокопарные речи были чистейшей воды издевательством. Какое Добби дело до того, что Абраксас — боги, ну и имечко у этого сифилисного старика! — раздерет задницу своего сына в лоскуты? Домашний эльф не имел никакого права воспитывать юного господина, да и не стремился к этому. Ему просто хотелось выместить душу.

Люциус, несмотря на нежный возраст, прекрасно понимал, что ушастый ублюдок нагло лжет. Наказывать его имел право только действующий глава рода — Абраксас Малфой. Даже духи предков с портретов могли лишь наставлять его, но никак не карать. Власть лорда Малфоя была абсолютна и непререкаема.

Поняв, что силой из этих пут не вырваться, Люциус заставил себя успокоиться. Он прекратил брыкаться и чинно уселся на кровати, ледяным серебристо-серым взглядом сверля Добби. Эльф не посмеет причинить ему настоящий вред — магия контракта просто испепелит слугу на месте. А раз так, то и тратить нервы не имело смысла.

«Погоди у меня, паршивая тварь, — злорадно думал наследник. — Стоит кому-то войти в эту комнату, и ты на собственной шкуре узнаешь, какова цена дерзости».

Заметив, что юный господин больше не реагирует на провокации, Добби лишь пожал плечами. Он принялся развлекаться: с негромкими хлопками то исчезал, то появлялся в разных углах комнаты, нацепив на морду маску глубочайшего смирения. Молчи-молчи, гордый наследник. Строй из себя неприступную крепость, только жаловаться тебе некому.

Чистокровные маги слепо верили в преданность личных домашних эльфов, возводя эту веру в абсолют. Что же до портретов предков, вечно сующих свой нос куда не просят, то Добби предусмотрительно развернул их к стене еще до начала «урока». Ни одна живая или мертвая душа в поместье не поверит, что крошечный эльф посмел поднять руку на маленького лорда. А применить к ребенку Легилименцию для проверки воспоминаний Абраксас ни за что не решится — слишком велик риск повредить неокрепший разум и превратить наследника в пускающего слюни идиота.

Малфои дорожили своей кровью превыше всего. Они никогда не станут рисковать будущим рода ради того, чтобы уличить «верного» слугу в мелкой пакости. Худшее, что грозило Добби, если Люциус как-то исхитрится выдать его, — показательная порка и ссылка на работы в кухню, дабы унять гнев юного господина.

Впрочем, телесные наказания его больше не пугали. Физиология домашних эльфов оказалась поразительной: под на вид хрупкой кожей скрывалась невероятная живучесть. Получив плетей, на следующий день Добби просыпался свежим и полным сил. А ссылка в кухню и вовсе казалась пределом мечтаний! Подальше от капризного Юного господина, поближе к еде — да это же лучший курорт, о котором только можно грезить!

Поэтому Добби было искренне плевать на последствия.

Лишь поздним вечером, когда в поместье вернулся лорд Малфой, домашний тиран наконец соизволил снять с Люциуса сдерживающие чары. Едва обретя свободу движений, маленький наследник пулей вылетел из спальни. Скатившись по парадной лестнице, он с разбегу вцепился в ногу отца и разрыдался взахлеб.

Как бы усердно в мальчике ни возвращали аристократическую гордость, он оставался всего лишь испуганным карапузом. Провести полдня в изоляции один на один с сошедшим с ума домашним эльфом, который смел распускать руки, — тяжелое испытание. То, что Люциус держался так долго и дал волю слезам только сейчас, уже было настоящим подвигом.

Абраксас Малфой, чье красивое лицо неизменно украшала легкая полуулыбка, никак не выказал удивления при виде столь неподобающей для аристократа истерики. Он лишь опустил на одно колено и ласково погладил сына по мягким платиновым волосам.

— Люциус, мальчик мой, что случилось?

<http://bllate.org/book/18185/1752036>